

ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1974—1975 ГГ.

С 14 по 19 мая 1976 г. в Душанбе проходила очередная Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1974—1975 гг. Сессия была организована Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (далее — ИЭ) и Институтом истории им. А. Дониша АН ТаджССР (далее — ИИ АН ТаджССР). В ее работе приняли участие около 200 человек — этнографы, археологи, социологи, демографы, фольклористы, искусствоведы, музыковеды — сотрудники Академии наук СССР и ее филиалов, а также академий наук союзных республик, различных научно-исследовательских институтов, преподаватели высших учебных заведений, работники этнографических и краеведческих музеев РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, республик Средней Азии.

На трех пленарных заседаниях сессии было заслушано 8 докладов, на заседаниях шести секций с подсекциями — 168 докладов¹. Впервые за историю проведения аналогичных сессий в составе секции «Фольклор, народная музыка, прикладное искусство» была организована подсекция «Народная музыка и танцы».

Сессия 1976 г. проходила в знаменательное для всего советского народа время, когда весь советский народ обсуждал решения XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Большое внимание, как известно, на съезде было уделено проблемам развития науки в нашей стране. Среди основных задач, поставленных перед общественными науками, немало таких, которые непосредственно касаются этнографии и должны решаться этнографами в тесном сотрудничестве со специалистами, работающими в других областях науки. Поэтому в центре внимания участников сессии оказались прежде всего проблемы, связанные с развитием советской этнографической науки в свете решений XXV съезда КПСС.

Открывая Всесоюзную отчетно-экспедиционную сессию, директор Института этнографии АН СССР Ю. В. Бромлей (Москва) отметил, что за годы девятой пятилетки советскими этнографами были достигнуты значительные успехи в разработке важных теоретических и практических проблем развития советского общества. Накоплен также конкретный полевой материал по всем регионам нашей страны. Ю. В. Бромлей подчеркнул, что большой вклад в развитие этнографической науки внесли ученые республик Средней Азии и непосредственно Таджикистана. Сессия призвана подвести итоги исследований советских этнографов, а также обсудить кардинальные проблемы изучения современности, проблематику и методику исследований, определить дальнейшие перспективы развития этнографии в 10-й пятилетке.

Участников сессии приветствовал президент Академии наук Таджикской ССР М. С. Асимов, отметивший, что данная сессия является значительным событием в культурной и научной жизни республики. Проведение сессии совпало с празднованием 25-летнего юбилея Академии наук Таджикистана, поэтому она стала как бы смотром работы таджикских этнографов, антропологов, фольклористов, искусствоведов за

¹ См. «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974—1975 гг.», Душанбе, 1976 (ротапринт).

истекший период. На XXV съезде КПСС перед советскими учеными была поставлена задача установить четкую координацию всех научно-исследовательских работ в стране. Сессия будет способствовать укреплению контактов внутри всего многонационального коллектива этнографов нашей страны.

Первым на пленарном заседании выступил Ю. В. Бромлей с докладом «Основные задачи советской этнографической науки в свете решений XXV съезда КПСС». Этнография, сказал докладчик, стоит в одном ряду с теми общественными дисциплинами, которые призваны непосредственно участвовать в решении насущных задач коммунистического строительства в нашей стране. Это вытекает из самой специфики науки, основной объект которой — преимущественно современные народы, в первую очередь народы Советского Союза. Поэтому важнейшими задачами являются исследования социалистического образа жизни, вопросов, относящихся к тенденциям этнокультурного развития нашего общества, изучение социалистического быта и развития многогранной культуры советского народа, проблем народонаселения.

Центральное направление — дальнейшее исследование этнических процессов в нашей стране в условиях развитого социализма. Следует иметь в виду, подчеркнул докладчик, что в 1979 г. предстоит Всесоюзная перепись населения, которая, несомненно, даст новый материал для изучения таких важнейших аспектов этнических процессов, как этнодемографические и этнолингвистические.

Ход этнических процессов оказывает непосредственное воздействие на развитие культуры и быта народов. В условиях советского социалистического образа жизни выкристаллизовываются черты общесоветской бытовой культуры. Исследование того, как преобразовываются традиционные элементы, такие, как семейная обрядность, ценностные ориентации, семейные отношения, тип жилища, пища, одежда, характер использования свободного времени и т. д., и как происходит процесс становления нового — важнейшая задача советских этнографов.

Одно из основных требований, выдвинутых на XXV съезде, сказал Ю. В. Бромлей, — дальнейшее укрепление связи науки с практикой, с задачами коммунистического строительства. Намечается еще более расширить подготовку научных работ, содержащих конкретные практические рекомендации по вопросам идеологического воспитания (включая и проблемы борьбы с вредными пережитками прошлого), оптимизации преобразования культуры и быта у различных народов нашей страны.

На XXV съезде КПСС перед советскими учеными были поставлены задачи разработки кардинальных проблем мирового развития и международных отношений, революционного процесса, взаимодействия и единства различных его потоков. Для этнографической науки, считает Ю. В. Бромлей, это означает необходимость развивать и совершенствовать исследования тенденций и перспектив современных этнических процессов в зарубежных странах и в мировом масштабе, выявлять взаимосвязи собственно этнических, социально-экономических и политических аспектов конкретных национальных проблем, изучать роль этнических факторов как в развитии стран социалистического содружества, так и в национально-освободительной и классовой борьбе в странах капитализма и «третьего мира». Планируется, сказал докладчик, подготовка таких обобщающих трудов, как «Этнические процессы в современном мире», «Типология жилища народов мира», «Типология одежды народов мира» и т. д. Важнейшей формой фиксации и исследования традиционно-бытовой культуры народов СССР и Зарубежной Европы остаются историко-этнографические атласы.

Ю. В. Бромлей подчеркнул значение содержащейся в Отчетном докладе ЦК КПСС характеристики роли Академии наук СССР как координатора научной работы для развертывания этнографических исследований по единому плану и методике в рамках всей страны.

Защита материалистической концепции исторического процесса — один из аспектов идеологической борьбы КПСС с врагами марксизма-ленинизма, в которой активно участвуют и советские этнографы, подчеркнул докладчик. Этнография в комплексе с социологией, психологией и антропологией дает нашей партии мощное оружие в борьбе против расизма и шовинизма во всех видах и псевдонаучных облачениях. Важно, чтобы последовательно соблюдались принципы партийности в науке, чтобы давался решительный отпор правооппортунистическим и «левацким» взглядам зарубежных идейных противников.

В докладе нашли отражение конкретные задачи этнографии, вытекающие из решений XXV съезда КПСС: расширение популяризации накопленных знаний, увеличение публикаций популярных книг и статей, необходимость создания большего числа этнографических музеев, особенно под открытым небом, и т. д.

Важные научные задачи, поставленные съездом, сказал Ю. В. Бромлей, значительно повышают требования к стилю всей работы советских этнографов, к руководству ее организацией, поддержанию благоприятного нравственного климата, творческой атмосферы.

В заключение Ю. В. Бромлей выразил уверенность в том, что советские этнографы не пожалеют усилий для претворения в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС, внесут свой весомый вклад в успешное их выполнение.

Узловым теоретическим проблемам этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана был посвящен доклад Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского (Москва, Ин-т востоковедения АН СССР)². Авторы остановились на историографии вопроса и охарактеризовали деятельность дореволюционных и советских исследователей Средней Азии и Казахстана. В докладе высказано мнение, что в настоящее время уже накоплены материалы для перехода от изучения этногенеза отдельных народов Средней Азии к рассмотрению общего процесса этногенеза всех народов Средней Азии.

Конкретное исследование этногенеза и этнической истории Средней Азии и Казахстана (как и Востока в целом) может, с точки зрения Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, в свою очередь внести новые аспекты в разработку марксистской теории этноса. Для этногенеза и этнической истории рассматриваемого региона особенно существенное значение приобретают системный подход, введение понятия «этногенетической модели», самое широкое применение ареальных понятий и методов. По мнению авторов, анализ этногенетического и историко-культурного процессов в районе Средней Азии и Казахстана (шире — Востока вообще) свидетельствует о том, что этнические и культурные границы между этническими образованиями были подвижными и носили характер двусторонне-проницаемых мембран, причем этнокультурная «проницаемость» была не константной, а изменявшейся (по-разному в каждом направлении) величиной. Даже такие, казалось бы, устоявшиеся понятия этнической истории, как консолидация и интеграция, на многих этапах этнической истории Средней Азии переплетаются в едином процессе.

В докладе была дана развернутая характеристика каждой группы источников (письменных, этнографических, фольклорных, лингвистических, антропологических, археологических и иконографических) и показана степень ее разработанности в современной науке с целью использования для исследования этногенеза и этнической истории. Авторы остановились на основных этапах этнической истории Средней Азии, начиная с эпохи поздней бронзы, поскольку, по их мнению, племена первобытных земледельцев и степняков периода поздней бронзы явились одним из основных компонентов для последующего этнического развития. В IX—X вв. (время правления Саманидов) завершалось сложение таджикского народа; в это время и позже (период правления Караханидов и других династий) произошло сложение этнического ядра тюркоязычных народов. Докладчики отметили также значение эпохи XIII—XIV (XVII) вв., когда завершилось сложение всех народов Средней Азии.

Докладчики пришли к следующему заключению: этнокультурный синтез и многоэтапная интеграция и консолидация сложносоставных субстратных и суперстратных элементов — доминантное направление среднеазиатско-казахстанского этногенеза и этнической истории. Параллельно с этим шли дивергентные процессы и вхождение в разные этносы генетически связанных элементов.

В заключение доклада Б. Г. Гафуров и Б. А. Литвинский остановились на определении лингвистического понятия «языковый союз». По их мнению, подобно тому как в языковых союзах, наряду с изоглоссами, связывающими воедино весь ареал, есть изоглоссы, простирающиеся лишь в той или иной его части, так и в среднеазиатском ареальном этноконтинuumе ареальные явления представляют довольно пеструю, на первый взгляд, картину то сгущающихся, то разряжающихся пучков изопрагм. Они про-

² Б. А. Гафуров, Б. А. Литвинский, Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (Теоретический аспект), Тезисы, М., 1976 (ротاپринт)

стираются на такие области, как фольклор, литература, народная музыка, прикладное искусство, народная архитектура, одежда, верования, обряды и т. д. Чрезвычайно важны изолинии, соединяющие кардинальные элементы экономики разных этнических коллективов, такие, как город, его градостроительная и социальная структура, городское ремесло, характерные особенности сельского хозяйства.

Авторы выдвинули идею среднеазиатского ареального континуума этноса, культуры, экономики при наличии отдельных черт языкового союза, рассматриваемого в виде пространственно-временной системы.

Глубокое влияние на этногенез и этническую историю народов Средней Азии, по мнению докладчиков, оказало сочетание оседлого и кочевого хозяйства и населения. Возникла сложная экономическая система с областным (районным) разделением труда, целым спектром переходных форм и разнообразием экономических взаимоотношений разных групп населения. Теория среднеазиатского ареального этноконтинуума дает конкретное объяснение экономической, исторической и этнокультурной общности между всеми народами среднеазиатского региона.

Принципиально новый характер эта общность приобрела после Великой Октябрьской социалистической революции. Среднеазиатские народы развились в социалистические нации и в качестве равноправных членов вошли в состав великой семьи советских народов, составив вместе с ними новую историческую общность людей — советский народ.

В докладе Т. А. Жданко (Москва, ИЭ) «Об итогах и перспективах этнографических исследований в Средней Азии и Казахстане» главное внимание было уделено достижениям этнографической науки в среднеазиатских республиках в годы 9-й пятилетки и планам научно-исследовательских работ на 10-ю пятилетку соответственно с общим координационным планом. Центральным объектом прошлой пятилетки, по словам докладчика, был капитальный обобщающий многотомный «Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана».

В новой пятилетке будут продолжены исследования этнокультурных процессов современности, а также проблем исторической этнографии. Предстоит провести новый цикл исследований современного быта сельского населения в разных республиках, расширить изучение городов. Этнографы примут участие в создании обобщающих трудов «История Средней Азии и Казахстана с древнейших времен и до наших дней» и «История крестьянства в СССР». Будет продолжаться подготовка очередных выпусков «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» (темы «Одежда», «Жилище») и трудов по проблемам этногенеза, традиционных форм культуры, быта, а также изучение исторически сложившихся этнокультурных связей народов Средней Азии и Казахстана.

А. К. Писарчик (Душанбе, ИИ АН ТаджССР) познакомила участников сессии с исследованиями этнографов Таджикистана. Сектор этнографии, созданный в 1951 г. при Институте истории АН ТаджССР, проделал значительную работу. Было проведено сплошное этнографическое обследование в Кулябской области, Гармской группе районов (Каратегин и Дарваз), верховьях Зеравшана, в зоне затопления Нурекского водохранилища, частично в Гиссарской группе районов. С 1958 г. начато изучение старого и нового быта горных таджиков, переселившихся из Матчи на земли нового орошения. В 70-х годах в работе сектора все большее место стали занимать темы, связанные с подготовкой историко-этнографического атласа, — сельское хозяйство, одежда. Всего сектором опубликовано свыше 20 книг и несколько десятков статей.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» («Правда», 27 февраля 1975 г.) таджикские этнографы выявляют народных мастеров разных специальностей, проводят индивидуальную работу с ними, стремясь содействовать поднятию художественного уровня их работ, возрождению лучших традиций народного искусства.

В заключение доклада А. К. Писарчик остановилась на задачах сектора этнографии в 10-й пятилетке. Как и в других республиках Средней Азии, в Таджикистане будет продолжена работа над историко-этнографическим атласом, планируется изучение семейного быта таджиков, особенно в районах со смешанным населением, где наиболее отчетливо прослеживается процесс сближения советских наций и народностей и взаимовлияния их культур.

В докладе М. А. Итиной (Москва, ИЭ) была охарактеризована научно-исследовательская работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции за последнее пятилетие. Докладчица отметила, что к целому ряду вопросов удалось подойти по-новому, а главное, некоторые результаты экспедиции были использованы в практике народного хозяйства, например, исследование древних ирригационных систем помогло освоению земель древнего орошения на территории Каракалпакии. Комплексное изучение и картографирование земель древнего орошения низовий Амударьи и Сырдарьи приобрело большое значение в связи с широкими планами развития ирригационного земледелия, предусмотренного решениями XXIV съезда КПСС.

М. А. Итина остановилась также на основных результатах археологических работ экспедиции в 9-й пятилетке. Охранные археологические работы на строительстве Тюямуянского гидроузла сохранили для науки более 10 исторических памятников: среди них крупные города (Садвар, Джигербент), поселения, военные укрепления, караван-сарай. В Присарыкамьшской дельте был открыт и раскопан первый в степных районах Средней Азии неолитический могильник Тумеккичиджик. Открыта новая культура — куюсайская (VII—IV вв. до н. э.). Удалось установить связи ее носителей с южными районами Средней Азии. Работы экспедиции на городище Топрак-Кала дали новые материалы по социальной и культурной истории древнего города эпохи поздней античности и раннего средневековья. Наряду с исследованием античных городищ велись раскопки сельских поселений этого и более позднего времени.

В докладе А. И. Робакидзе (Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР) основное внимание было уделено особенностям горского феодализма на Кавказе. К ним автор относит: развитие раннефеодальных отношений непосредственно в процессе разложения общинного быта, минуя рабовладельческую формацию; вытекающую отсюда важную роль пережиточных форм общинного быта; живучесть элементов военно-демократического уклада. А. И. Робакидзе показал роль военных дружин в различных формах внеэкономического принуждения; удельный вес иноплеменников в процессе образования зависимых сословий; специфический характер рабства в этот период.

В 1976 г. исполнилось 50 лет журналу «Советская этнография». Этой знаменательной дате был посвящен доклад главного редактора журнала Ю. П. Петровой-Аверкиевой (Москва, ИЭ). История журнала, сказала она, — неразрывная часть и отражение истории советской этнографии. В докладе давалась подробная характеристика основных этапов становления советской этнографической школы, нашедших яркое отражение на страницах журнала «Этнография» (1926—1930 гг.), а затем, с 1931 г. — «Советская этнография».

Материалы, публиковавшиеся на страницах журнала в 1930-х годах, говорили о методологической перестройке советской этнографической науки на основах марксистского историзма. Здесь нашло отражение и состояние науки тех лет, и особенности того этапа строительства социализма в нашей стране (развертывание индустриализации, переход к сплошной коллективизации, культурная революция и т. д.).

Годы после второй мировой войны — это новый и самый плодотворный этап в истории этнографии. В науке окончательно утвердился марксистский историзм, определилось ее место в системе обществоведческих дисциплин. На страницах журнала ученые стремились осветить основные проблемы этнического и культурно-бытового развития по существу всех народов мира, и прежде всего народов нашей страны.

В материалах, публикуемых в журнале за последние годы, отразился глубокий интерес советских этнографов к проблемам интернационализации национальных культур, к процессам сближения наций и народностей СССР и становления новой исторической общности — советского народа.

На страницах нашего журнала, сказала Ю. П. Аверкиева, должны появиться статьи советских этнографов, посвященные знаменательной дате, — 60-летию Великого Октября, к которому сейчас готовится вся наша страна.

С докладом «Основные проблемы современного этнокультурного районирования мира» выступили Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров (Москва, ИЭ). В настоящее время, говорилось в докладе, для исследования этногенеза, этнической истории и современных этнических процессов все большее значение приобретает разработка вопросов историко-этнографического (этнокультурного) районирования, т. е. выделе-

ния локализованных в пространстве и во времени частей ойкумены, у населения которых в процессе длительного взаимодействия разных народов (этносов) формируются многие общие черты хозяйства, социального строя, культуры и быта. Докладчики полагают, что каждому большому периоду истории свойственны свои системы этнокультурных областей и целых их регионов (называемых иногда «историко-этнографическими провинциями»).

В докладе прослеживались основные вехи истории крупнейших этнокультурных регионов эпох капитализма и социализма. Б. В. Андрианов и Н. Н. Чебоксаров дали характеристику экономических, исторических и социально-политических факторов, в результате которых к началу XX в. в мире сложилось около 20 крупных этнокультурных регионов: Восточноевропейский, Кавказский, Среднеазиатско-Казахстанский, Сибирский, Западноевропейский и др.

По словам докладчиков, большинство прежних крупнейших этнокультурных регионов сохранилось до наших дней, но материальная и духовная культура народов, населяющих их, претерпела существенные изменения, связанные с социально-экономическими преобразованиями во многих районах мира и особенно с образованием социалистического содружества.

На пяти заседаниях секции «Этническая история и этногенез» в течение трех дней было зачитано 18 докладов. Оживленные прения развернулись по докладам, затрагивающим актуальные проблемы этнокультурного и историко-культурного районирования территории Таджикистана (А. Л. Хромов, А. С. Давыдов, ИИ АН ТаджССР). Об этнических процессах в Северном Таджикистане в XIX — начале XX в. рассказал в своем докладе Н. О. Турсунов (Ленинабад, Пед. ин-т).

В ряде докладов содержались новые этнографические данные об этнокультурных связях народов Средней Азии и Казахстана с народами Кавказа (Е. Н. Студенецкая — Ленинград, Гос. музей этнографии народов СССР (далее — ГМЭ); Б. А. Калоев — Москва, ИЭ) и народами Западной Сибири (Н. В. Лукина — Томск, Гос. ун-т; Н. А. Томилов — Омск, Гос. ун-т).

Этнической истории коми был посвящен доклад Л. Н. Жеребцова (Сыктывкар, Ин-т языка, литературы и истории — далее ИЯЛИ — Коми филиала АН СССР). Историко-этнографическая характеристика группы сегозерских карел была дана в докладе Р. Ф. Тароевой-Никольской (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР).

Антропологические доклады отличались разнообразием направлений. Были представлены доклады по палеоантропологии (Г. П. Кияткина — Душанбе, ИИ АН ТаджССР; Т. К. Ходжайов — Самарканд, Ин-т археологии АН УзССР; О. Бабак — Ашхабад, Ин-т истории — далее ИИ — АН ТССР), дерматоглифике (Г. Л. Хитъ — Москва, ИЭ; Л. И. Тегако и И. И. Саливон — Минск, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора — далее ИИЭФ — АН БССР), одонтологии (Н. А. Дубова и Г. В. Рыкушина — Москва, ИЭ) и др.

С большим вниманием был заслушан доклад О. М. Павловского и И. В. Певозчикова (Москва, НИИ антропологии МГУ), в котором говорилось о создании обобщенного антропологического фотопортрета некоторых групп населения Средней Азии. Приведенные данные представляют интерес для решения этногенетических проблем народов Средней Азии.

На секции «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов СССР» часть докладов была посвящена результатам этнографического изучения современности, другая — результатам этносоциологических исследований. Всего было проведено четыре заседания, на которых заслушано 19 докладов.

Доклады Р. Ф. Итса (Ленинград, Гос. ун-т) «Динамика культурно-бытовых изменений у кетов Туруханского района (1961—1975 гг.)», В. А. Туголукова (Москва, ИЭ) «Изменения в традиционной культуре у эвенков, живущих к западу от Енисея, под влиянием их контактов с кетами, селькупам и ненцами», Б. П. Шишло (Ленинград, Гос. ун-т) «Современное состояние культуры и быта тувинцев Улуг-Хемского района» были посвящены развитию малочисленных народов в условиях быстрых социально-экономических изменений. В них отмечалось, что в настоящее время важно найти оптимальное решение, которое помогло бы сохранить традиционную культуру в современных культурно-бытовых условиях.

В докладах Г. А. Гулиева (Баку, ИИ АН АзССР), С. Я. Цимерманиса (Рига, ИИ АН ЛатвССР), Т. Ж. Атамуратова (Нукус, Ин-т истории, языка, литературы — далее ИИЯЛ — Каракалпакского филиала АН УзССР) и др. был поставлен вопрос о необходимости привлечения этнографов к выработке новой обрядности.

Культурно-бытовые и этнические процессы у народов Кавказа и Средней Азии освещались в докладах Э. А. Керимова (Баку, ИИ АН АзССР), К. В. Сехбосяна (Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР), М. А. Хамиджановой (Душанбе, ИИ АН ТаджССР), А. Н. Жилиной (Москва, ИЭ). В докладе Р. Д. Ляха (Донецк, Гос. ун-т) анализировались изменения этнического состава населения Донецкой области за 1926—1970 гг.

Основные этапы преобразования быта татар в ходе социалистического строительства (по материалам сельских районов Татарской АССР) рассматривались в докладе Р. Г. Мухамедовой (Казань, ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР).

Сложной проблеме изучения городов был посвящен доклад М. Н. Шмелевой (Москва, ИЭ) «Опыт этнографического изучения городов средней полосы РСФСР (итоги и перспективы)».

Оживленная дискуссия развернулась при обсуждении докладов по проблемам этносоциологии. Доклад Л. М. Дробужевай (Москва, ИЭ) «Исследование межэтнических отношений» был основан на результатах этносоциологических исследований в Узбекистане, проведенных совместно с Институтом истории АН УзССР (Ташкент). Докладчица выделила следующие основные конкретные факторы и ситуации, влияющие на межэтнические отношения: быстрый рост образования и общекультурных знаний населения в условиях относительной устойчивости национальных особенностей культуры и быта; обусловленность национальных ориентаций социальной структурой контактирующих групп, в том числе влияние интенсивного изменения социальной структуры узбекского населения на социально-психологические аспекты межэтнического общения; особенности межличностных национальных отношений в городах с преимущественно инонациональным населением; отношение к межнациональным контактам в однородной этнической среде на примере сельских коллективов; обусловленность национальных ориентаций традиционными нормами в городе и на селе, степень влияния этих норм на отношение к контактам с представителями других национальностей на производстве, в семье, в дружеском общении.

Этносоциологическое исследование языковых процессов нашло отражение в докладах о проблемах двуязычия (М. Н. Губогло, Ин-т всеобщей истории АН СССР, Москва) и о современных этнолингвистических процессах в Украинской ССР (В. И. Наулко, Киев, Гос. ун-т).

В докладе Н. Я. Бромлей (Москва, Ин-т всеобщей истории АН СССР) рассматривались некоторые региональные аспекты развития образования в городской и сельской местности в условиях социализма, например, образование и проблемы миграции сельского населения, проблемы «потребления» образования личностью.

Завершал эту группу докладов важный для развития и совершенствования методики этносоциологических исследований доклад Х. Р. Пусся (Таллин, ИИ АН ЭССР) «О достоверности сведений, собранных путем анкетного опроса». Анкетный опрос, проведенный в 1970 г. на о. Хийумаа в Эстонской ССР, и материал, собранный там же методом этнографического исследования и дополненный архивными и статистическими данными, дал возможность автору выявить процент достоверности анкетных материалов и поставить вопрос о необходимости тщательного и строгого подхода к фактам, получаемым в результате только анкетного опроса.

Участники секции высказали мнение о необходимости более глубокого изучения факторов, обуславливающих изменения в сфере культуры и психологии. Для того чтобы повысить уровень изучения современных этнических процессов, целесообразно координировать этносоциологические исследования, согласовывать программы исследований, обмениваться опытом по методике и технике исследований.

Одной из самых многолюдных была секция, посвященная исследованиям семейного и общественного быта. На четырех ее заседаниях было заслушано 27 докладов. Отдельную группу составили доклады по вопросам свадебного избегания, которых на предыдущих сессиях касались, как правило, недостаточно (С. Ш. Гаджиева — Махачкала, ИИЯЛ; М. А. Меретуков — Майкоп, НИИ экономики, языка, литера-

туры, истории; Н. И. Шатинова — Горно-Алтайский НИИ ИЯЛ; Я. С. Смирнова — Москва, ИЭ, и др.). Повышенный интерес к этой проблеме объясняется медленным изживанием обычая избегания и свадебного скрывания в современном семейном быту ряда народов (особенно Северного Кавказа).

Ряд докладов был посвящен семейному быту (С. М. Мирхасилов — Ташкент, ИИ АН УзССР, Дж. Б. Логашова — Москва, ИЭ), семейной общине (Р. Керейтов — Черкесск, НИИ экономики, истории, языка, литературы — далее ЭИЯЛ); межнациональным бракам (А. П. Пономарев — Киев, Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии — далее ИИФЭ — АН УССР), народным традиционным праздникам и развлечениям (К. Ниязклычев и А. Джикиев — Ашхабад, ИИ АН ТССР; Р. К. Уразманова — Казань, ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР; Г. Н. Симakov — Ленинград, ИЭ), трудовым объединениям (А. А. Лутс — Тарту, Гос. ун-т) и т. д.

Семейно-бытовые аспекты современного образа жизни характеризовались преимущественно на материалах о формировании новой семейной обрядности. В докладах А. Союновой (Ашхабад, ИИ АН ТССР), Ф. Д. Люшкевич (Ленинград, ИЭ), Т. Ташбаевой (Ташкент, ИИ АН УзССР), Г. Т. Пашковой (Киев, ИИФЭ АН УССР), В. Жекулиной (Новгород, Пед. ин-т) на конкретном материале раскрывались процессы складывания общесоюзных форм семейной обрядности у разных народов СССР.

Доклады и выступления участников секции показали, что за прошедшее между последними отчетно-экспедиционными сессиями время (два года) расширилась практика использования этнографами массового этносоциологического, а также широкого сравнительного материала по другим народам. Внедряется новая методика полевых исследований по изучению семейного и общественного быта.

В ходе дискуссии участники секции пришли к выводу о необходимости скорейшей выработки единой программы и вопросника для изучения современного семейного и общественного быта, разработки и внедрения в быт новых традиций и обрядов, а также ряда традиционных праздников и развлечений, исследования таких вопросов, как система родства.

Представительной была также секция «Историко-этнографические атласы (этнографические типологии, культурные связи)», на пяти заседаниях которой было прочитано 27 докладов и сообщений. В них широко освещались вопросы научной разработки и картографирования трех региональных атласов — народов Средней Азии и Казахстана, Кавказа и Прибалтики. Участники секции признали удачной программу ее работы, построенную не по регионам, а по темам, что дало возможность сопоставить не только конкретные материалы разных регионов, но и обменяться опытом разработки типологических классификаций картографирования, а также выявить в результате взаимного обмена материалом некоторые аналогии, обусловленные историко-культурными или этническими связями.

Большой интерес вызвал первый опыт историко-этнографической классификации и картографирования поливного и неполивного земледелия и ирригационных сооружений в Средней Азии (Б. В. Андрианов — Москва, ИЭ). Оживленный обмен мнениями вызвали пять докладов, посвященных итогам изучения типов сельскохозяйственных орудий Средней Азии, Азербайджана, Абхазии (Б. В. Гамбург — Ленинград, ГМЭ; Г. П. Васильевой — Москва, ИЭ; И. Мухиддинова — Душанбе, ИИ АН ТаджССР; Г. Д. Джавадовой — Баку, ИИ АН АзССР; Р. К. Чанба — Сухуми, ИЯЛИ им. Д. И. Гудна). В частности, Р. К. Чанба выделил две разновидности абхазских пахотных орудий легкого типа (простые и составные) и предположил мегрельское происхождение некоторых подтипов составных орудий.

При обсуждении докладов по традиционному животноводству выявилось большое значение разработки типологии форм животноводства и его сочетания с земледелием, что обуславливало общий тип хозяйства и образ жизни (оседлый, полукочевой, кочевой) (доклады Б. Кармышевой — Москва, ИЭ; Х. Ташева — Ташкент, ИИ АН УзССР; В. П. Курылева — Ленинград, ИЭ).

А. Оразов (Ашхабад, ИИ АН ТССР) в своем докладе показал, что туркменскими этнографами впервые разработана классификация источников водопоя скота в условиях пустынного скотоводства и связанных с ними сооружений (колодцы разного типа, водосмы и др.). Б. А. Калоев (Москва, ИЭ) отметил также большую работу

авторских коллективов Среднеазиатского и Кавказского атласов по изучению способов обработки молочных продуктов. Доклад Ю. М. Мкртумяна (Ереван, Гос. ун-т) был посвящен методике привлечения зоотехнических данных при этнографическом изучении животноводства.

Исследованию традиционной одежды и украшений были посвящены шесть докладов: три по Средней Азии (Х. Исмаилова — Ташкент, ИИ АН УзССР; З. А. Широковой — Душанбе, ИИ АН ТаджССР; А. А. Пиркулиевой — Ашхабад, ИИ АН ТССР), два доклада по Кавказу (Н. А. Измайловой — Баку, ИИ АН АзССР; Г. А. Сергеевой — Москва, ИЭ), один по Прибалтике (М. К. Славы — ИИ АН ЛатвССР). Выступившие единодушно признали, что на современном этапе исследования народной одежды еще отсутствует возможность составления сводных классификаций общерегионального масштаба для Средней Азии и Кавказа, хотя по Северному Кавказу, Дагестану и некоторым другим районам страны такие типологии уже имеются. Как свидетельствуют доклады М. К. Славы и Л. Н. Терентьевой (Москва, ИЭ), авторский коллектив атласа региона Прибалтики уже завершает работу по классификации и картографированию народной одежды в общерегиональном масштабе.

Большой интерес вызвали доклады представителей музеев — А. Ю. Петерсона (Тарту, Гос. этнографический музей ЭССР) и М. Куплайс (Рига, Латвийский этнографический музей под открытым небом) об участии сотрудников музеев в подготовке атласа по теме «Поселения и жилище».

В докладах Н. В. Бикбулатова (Уфа, ИЯЛИ Башкирского филиала АН СССР) и Ю. Мухаметшина (Казань, ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР) был поставлен вопрос о целесообразности подготовки регионального атласа народов Поволжья.

На секции был прочитан ряд докладов, посвященных методам картографирования материальной культуры в региональных атласах (М. Г. Рабинович — Москва, ИЭ; Д. С. Вардумян — Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР; Г. С. Читайя и Д. А. Рухадзе — Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР). Оживленное обсуждение вызвал доклад М. Г. Рабиновича, предложившего пользоваться методом динамических ареалов для показа количественных изменений явлений на разных исторических этапах.

В секции «Историко-этнографические атласы» работала подсекция по материальной культуре. На двух ее заседаниях было заслушано пять докладов, вызвавших большой интерес присутствовавших. Тематика докладов была разнообразной. Так, обсуждались особенности материальной культуры русских старожилов Восточно-Казахстанской области (А. А. Лебедева — Москва, ИЭ). На этой же секции был дан обзор работ этнографических экспедиций Государственного музея Грузии за 1970—1975 гг. (Г. В. Джалабадзе — Тбилиси, Гос. музей ГССР). Был также зачитан доклад С. Х. Мафедзева (Нальчик, Кабардино-Балкарский НИИ при Совете Министров КБ АССР — далее КБНИИ) «Новая интерпретация некоторых элементов адыгейской женской национальной одежды».

Участники сессии высказались за установление в дальнейшем более тесных деловых контактов коллективов, работающих над историко-этнографическими атласами, и усиление координации их работ.

На четырех заседаниях секции «Религиозные верования в прошлом и их преодоление в современной жизни» было заслушано 22 доклада. О современном состоянии религиозных верований говорилось в докладах Л. И. Минько (Минск, ИИЭФ АН БССР) «Рост атеизма среди сельского населения Белоруссии». И. М. Шаманова (Черкесск, НИИ ЭИЯЛ) «Религиозные пережитки и процесс их преодоления у караевцев», Н. С. Попова (Йошкар-Ола, НИИ языка, литературы, истории, экономики — далее ЯЛИЭ) «Пережитки магии в современных верованиях мари и задачи их преодоления». В докладах подчеркивалось важное идеологическое значение всех вопросов, связанных с религией и атеизмом, особенно в свете задач борьбы за распространение научно-материалистического мировоззрения, поставленных XXV съездом КПСС.

Сельскохозяйственной обрядности и связанным с ней календарям у таджиков, осетин, грузин, абхазов, узбеков были посвящены доклады А. Э. Негмати (Душанбе, ИИ АН ТаджССР), Л. А. Чибирова (Цхинвали, Южно-Осетинский пед. ин-т),

Н. А. Брегадзе (Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР), Е. К. Анджинджала (Сухуми, Абхазский гос. музей), К. К. Кубакова (Самарканд, Гос. ун-т).

Исследование ранних форм религии нашло отражение в докладах Д. А. Сергеева (Ленинград, ГМЭ) и Э. Г. Фрадкина (Ленинград, ИЭ), Т. Д. Баялиевой (Фрунзе, ИИ АН КиргССР).

Погребальная обрядность рассматривалась в докладах С. П. Полякова (Москва, МГУ) «Изучение мусульманских погребений в свете задач подготовки Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана», Н. Бабаевой (Душанбе, ИИ АН ТаджССР) «Формы могил у таджиков Куляба», Л. Б. Бахтоваршоевой (Душанбе, ИИ АН ТаджССР) «Саван таджиков Шугнана и Хуфа».

В ряде докладов анализировались проблемы, связанные с шаманизмом (В. П. Дьяконова — Ленинград, ИЭ; Т. М. Михайлов — Улан-Удэ, Ин-т общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР; О. Муродов — Душанбе, ИИ АН ТаджССР; В. Н. Васильев — Москва, ИЭ; И. А. Крывелев — Москва, ИЭ). Большое внимание к данным проблемам объясняется архаичностью этого явления, сохранившегося в религиозном быту некоторых народов Советского Союза, а также слабой теоретической разработанностью этой темы.

Шестая секция ввиду разнообразия тематики и большого числа докладов была разделена на три подсекции: «Фольклор», «Народная музыка», «Прикладное искусство».

На подсекции «Фольклор» было прослушано 20 докладов. Большинство их было посвящено современному фольклору и построено на материалах экспедиций последних лет. Это доклады Н. А. Криничной (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР), В. П. Кругляшовой (Свердловск, Уральский ун-т), К. П. Кабашикова и Г. А. Барташевича (Минск, ИИЭФ АН БССР), Н. С. Шумады (Киев, ИИФЭ АН УССР). Во многих докладах привлекался сравнительный материал, в некоторых, особенно по современному фольклору, выдвигались на первый план проблемы взаимосвязи и взаимодействия фольклора разных народов и исторических судеб отдельных жанров: В. А. Юзвенко (Киев, ИИФЭ АН УССР) «Идейно-художественное взаимообогащение в современном фольклоре славянского населения Украинской ССР», Е. С. Сидорова (Чебоксары, НИИ при Совете Министров Чувашской АССР) «Старое и новое в чувашском фольклоре», А. Е. Кнitikов (Йошкар-Ола, НИИ ЯЛИЭ) «Современное состояние малых жанров марийского фольклора» и т. д.

Б. Н. Путилов (Ленинград, ИЭ) в своем докладе говорил о связи фольклора с мифологическими представлениями. Обрядовому фольклору разных народов были посвящены доклады С. Б. Арутюняна (Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР), М. Э. Хийемяэ (Тарту, Литературный музей им. Фр. Р. Крейцвальда), Б. Шермухамедова (Душанбе, ИИ АН ТаджССР); А. З. Халаева (Нальчик, КБНИИ), З. М. Налоева (Нальчик, КБНИИ).

Участники секции высоко оценили доклады В. К. Соколовой (Москва, ИЭ) «О значении современных записей для изучения обрядов и обрядовой поэзии» и Э. В. Померанцевой (Москва, ИЭ) «Межэтническая общность фольклорных рассказов о духах поля».

С большим интересом участниками подсекции были встречены выступления таджикских фольклористов о работе над сводом таджикского фольклора (Р. А. Амонов — Душанбе, ИЯЛ АН ТаджССР) и о принципах систематизации и каталогизации разных фольклорных жанров (Б. Тилавов, Э. Улугзаде — Душанбе, ИЯЛ АН ТаджССР).

Заслушанные на подсекции доклады показали, что рамки фольклористических исследований расширяются, начинают изучаться жанры, на которые раньше мало обращали внимания, выявляются новые функции отдельных видов фольклорных произведений. Участники подсекции отметили необходимость выработки общей методики и программы собирания современного фольклора, а также методики систематизации и каталогизации архивных фольклорных материалов.

Подсекция «Народная музыка и танец» провела пять заседаний, на которых было сделано 20 докладов, 14 из них были посвящены народной музыке и народным музыкальным инструментам, пять — хореографической тематике и один — театру. В работе подсекции наряду с этнографами принимали участие студенты и преподаватели Инсти-

туда искусств ТаджССР, члены Союза композиторов Таджикистана, мастера по изготовлению музыкальных инструментов и др.

В докладе Р. Л. Садокова рассматривались проблемы происхождения, бытования и так называемой реконструкции музыкальных инструментов. В докладе В. И. Мациевского (Ленинград, Городское отделение О-ва охраны памятников истории культуры) был поставлен вопрос о необходимости подлинно научного и комплексного исследования музыкальных инструментов народов СССР. Докладчиком была предложена программа изучения музыкального инструментария.

Доклад П. И. Чисталева (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми филиала АН СССР) был посвящен так называемым псевдоинструментам — инструментам, сделанным из соломы, древесных листьев, травы, бересты и т. д. Отвергаемые «чистой» наукой, эти инструменты оказались настолько интересным этнографическим источником, а влияние, оказываемое ими на музыкальную культуру народа, столь велико, что представляется целесообразным в будущем шире исследовать подобный инструментарий. В остальных докладах (Б. Я. Котляров, И. Тынурист — Таллин, ИИ АН ЭССР; А. Карашка — Вильнюс, Союз композиторов ЛитССР; В. А. Ранов — Душанбе, ИИ АН ТаджССР) были показаны бытование разнообразной системы музыкальных инструментов в различных регионах СССР, традиции, связанные с ними, обряды, сопровождаемые музыкой и т. д.

В ряде докладов характеризовались народные танцы (М. Я. Жорницкая — Москва, ИЭ; Х. Ю. Суня — Рига, ИЯЛ им. А. Упита; Т. Б. Бадмаева — Москва, Гос. Ин-т театрального искусства им. А. В. Луначарского; Л. И. Нагаева — Уфа, ИЯЛ Башкирского филиала АН СССР; Ж. К. Хачатрян — Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР). Эти доклады были построены исключительно на этнографическом материале.

Наибольший интерес вызвали доклады М. Я. Жорницкой «Обрядовые танцы оленеводов-чукчей» и Л. И. Нагаевой «Обрядовые пляски башкир».

Отдельные вопросы по истории народного театра уйгуров были освещены в докладе А. М. Решетова (Ленинград, ИЭ) «Роль уйгурского театра в сохранении и развитии уйгурской национальной культуры».

Участники подсекции приняли решение о необходимости в ближайшее время приступить к созданию коллективной монографии «Музыкальные инструменты народов СССР» и опубликовать доклады участников секции.

На подсекции «Прикладное искусство» было заслушано 10 докладов. Ряд теоретических проблем сравнительно-типологического изучения народного искусства рассматривался в докладе Т. В. Станюкович (Ленинград, ИЭ); в интересном докладе П. М. Дебирова (Махачкала, ИИЯЛ) был поставлен вопрос о развитии культурных контактов Дагестана и Средней Азии от X до начала XX в. на материалах архитектурного орнамента. Т. И. Мезурнова (Душанбе, ИИ АН ТаджССР) остановилась на актуальных задачах возрождения и дальнейшего развития народных и художественных промыслов Таджикистана. В докладах Н. З. Юнусовой (Душанбе, ИИ АН ТаджССР), В. И. Эдокова (Горно-Алтайский НИИ ИЯЛИ), А. Г. Булатовой (Махачкала, ИИЯЛ) были освещены малозвестные и почти совершенно не изученные художественные промыслы отдаленных районов Памира, Дагестана и Алтая. Новые материалы о наскальных изображениях Средней Азии и Сибири были представлены в докладах С. И. Вайнштейна (Москва, ИЭ), М. А. Дэвлет (Москва, Ин-т археологии АН СССР) и А. В. Оськина (Москва, ИЭ).

Н. А. Бединская (Душанбе, ИИ АН ТаджССР) говорила об архитектурно-декоративном искусстве Таджикистана; она познакомила участников подсекции с большой работой, проведенной сотрудниками сектора истории искусства Института истории АН ТаджССР.

В ходе развернувшихся прений были рассмотрены отдельные вопросы истории и теории народного искусства; выдвинуты важные предложения, направленные на реализацию постановления ЦК КПСС «О народных художественных промыслах».

Во время работы сессии состоялся просмотр этнографических фильмов, подготовленных грузинскими, московскими и таджикскими этнографами, вызвавших большой интерес всех участников сессии.

Работа отчетно-экспедиционной сессии была очень плодотворной. Сессия выявила рост интереса к изучению современных проблем с использованием массового этносоциологического и широкого сравнительного материала. Это не случайно: в нашей многонациональной стране возникновение новой исторической общности людей — советского народа — ставит перед наукой важную задачу дальнейшего углубленного исследования различных типов современных этнических процессов в СССР, их тенденций и перспектив, особенностей и темпов, а также факторов, влияющих на динамику развития и сближения социалистических наций.

В заключительном слове, посвященном итогам сессии, Ю. В. Бромлей подчеркнул необходимость скорейшего созыва совещания специалистов-этнографов с целью обмена опытом и выработки единой методики для разработки и внедрения в быт новых традиций и обрядов, создания единой программы по изучению современных этнокультурных процессов, общественного и семейного быта, комплексного изучения взаимодействия культур народов СССР.

Оценивая работу сессии, Ю. В. Бромлей отметил творческую атмосферу, в которой проходила работа всех секций и пленарных заседаний, и выразил уверенность, что этнографы, как и все советские ученые, не пожалеют усилий для претворения в жизнь предначертаний XXV съезда КПСС, внесут достойный вклад в дело социального и культурного прогресса нашей страны.

А. Н. Жилина

ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ КУЛЬТУРЕ ИНДЕЙСКИХ ПЛЕМЕН ВЕНЕСУЭЛЬСКОЙ АМАЗОНИИ

С 16 апреля по 25 мая 1976 г. в залах Государственного Исторического музея работала выставка «Культура индейских племен территории Амазонии. Республика Венесуэла», на которой было представлено более 500 предметов и 150 фотографий, раскрывающих основные аспекты материальной и духовной культуры индейских племен Амазонии.

В основу выставки положена частная коллекция венесуэльского путешественника Эдгардо Гонсалеса Ниньо. Впервые приехав в Амазонию в 1957 г., он решил посвятить себя изучению живущих здесь племен. Гонсалес провел 14 лет среди различных групп местного населения, делил с ними все тяготы и невзгоды, выполнял их каждодневную работу, жил в домах индейцев и ел их пищу, плавал на пирогах, преодолевая пороги и водопады, пробиваясь по узким каньонам. Знание нескольких индейских языков и диалектов помогло Гонсалесу Ниньо изучить важнейшие стороны жизни различных племен, их обычаи, религию. Он стал подлинным другом свободолюбивых индейцев, полноправным членом их общества.

В настоящее время Гонсалес проводит большую работу по защите прав индейцев, пропагандирует их культуру. В конце 1974 г. вышла в свет его книга об индейцах Амазонии¹.

Экспозиция открывается большой картой Федеральной территории Амазонии, где проживает большая часть индейских народов Венесуэлы. Эта территория расположена на крайнем юге страны. Площадь Амазонии 175,5 тыс. кв. км, что составляет пятую часть территории Венесуэлы. Эта обширная область отличается большим разнообразием природных условий. Непроходимые тропические леса (сельва), постепенно сменяющиеся саванной, прорезаны мощной речной системой Ориноко. По Амазонии протекает и р. Negro — крупнейший приток Амазонки. Реки служат единственным средством общения между жителями этой территории.

Население Амазонии составляет около 40 тыс. человек, 80% ее населения — индейские племена (численность всего населения Венесуэлы в 1975 г. достигла 12 млн.). Здесь живет около 20 племен и этнографических групп, отличающихся друг от друга языком, уровнем социально-экономического развития. Численность одних народов

¹ González Niño. Amazonas. El medio — el hombre, Ayacucho, 1974.